

## Глава 17

«Деньги, денежки, мои кровные!»

Чу Чжаохуай едва не завыл от досады. Почему в столице разрешены азартные игры, а в Цзяннани об этом правиле никто и не слыхивал?

Лишь вдоволь настрадавшись по упущенной выгоде, он осознал смысл слов Цзи И и слегка прищурился.

«Распознал подмену по мастерству в игре?»

Лекарь и представить не мог, что проколется на такой мелочи.

Не зная наверняка, не заманивает ли его Шицзы в ловушку, Чу Чжаохуай настороженно бросил:

— А что, если я просто усердно тренировался несколько месяцев и мой навык вырос?

Цзи И, ожидавший, что тот будет упорствовать до последнего, выложил свой главный козырь:

— Тогда, быть может, рискнешь снять повязку?

Чу Чжаохуай:

«...»

На это он точно пойти не мог.

Опасаясь, что наследник велит слугам сорвать с него «маску» силой — и тогда он окончательно потеряет лицо, — юноша постарался придать голосу уверенности:

— Раз ты такой догадливый, почему же вчера не доложил Ванъе?

Цзи И мгновенно вспыхнул, и в его взгляде промелькнула почти яростная досада:

— Тебе-то что! Не поздно сделать это и сейчас!

— О-о, — Чу Чжаохуай понимающе кивнул.

Кажется, маленький наследник всё еще помнил добро и не забыл, как лекарь заступался за него вчера. Иначе он бы уже давно во всю ивановскую раструбил Цзи Сюню о своих подозрениях.

Чжаохуай, словно внезапно обессилев, снова опустился на сиденье и вернулся к своим фениксовым апельсинам.

— Ну что же, — проговорил он, — тогда присаживайся и жди. Ванье должен скоро вернуться.

Цзи И опешил.

Почему этот человек не бьется в истерике, не рыдает и не умоляет сохранить всё в тайне?

Его отец — далеко не праведник. Прознай он, что Шицзы подменили, в гневе мог бы и голову с плеч снести.

Юноша нахмурился:

— И ты даже не попытаешься оправдаться?

— Оправдаться? В чем? — Чжаохуай своими тонкими, изящными пальцами неторопливо очищал апельсиновую дольку от белых волокон. Он изо всех сил старался казаться невозмутимым, на ходу сочиняя небылицы. — Если даже ты заметил странности, неужели Ванье, с которым мы делим кров и пищу, ничего не заподозрил?

Цзи И нахмурился еще сильнее:

— Мой отец...

Цзи Сюнь еще с юности страдал недугом — он не запоминал лиц, а после тяжелого ранения и помрачения рассудка его память и вовсе стала давать сбои. То, что он не узнал «Чу Чжаоцзяна», было вполне естественно.

Однако помыслы князя всегда были окутаны тайной. А вдруг он и впрямь давно раскусил Чу Чжаохуая, но молчал, выжидая и строя свои планы?

Заметив, что Шицзы погрузился в глубокие раздумья, лекарь едва слышно выдохнул.

Не стоило говорить слишком много — пусть тот сам дорисовывает картину в своем воображении.

В этот момент Лян Фан, доселе хранивший молчание, внезапно произнес:

— То, что Ванъе может знать правду — это одно. А вот расскажет ему Шицзы об этом или нет — совсем другое.

Цзи И поднял на него взгляд:

— Что ты имеешь в виду?

Взор Чу Чжаохуая помрачнел.

— Даже если Ванъе всеведущ и проницателен, это никак не мешает Шицзы донести на этого господина, — голос Лян Фана был слаб, ему приходилось делать паузы, но слова били не в бровь, а в глаз.

Мысли Цзи И, запутавшиеся в сетях собеседника, мгновенно прояснились. Он гневно воззрился на лекаря:

— Чуть не попался! Ты едва не обвел меня вокруг пальца!

Чу Чжаохуай:

«...»

Он, склонив голову набок, внимательно посмотрел на Лян Фана.

Тот ответил ему вежливым, мягким взглядом.

Человек, сумевший прожить в столице столько лет на правах заложника, по определению не мог быть таким безобидным, каким казался с виду.

Цзи И продолжал кипятиться:

— И не надейся меня снова одурачить! Вчера я простил тебя в благодарность за помощь, но сегодня...

— Как давно Лян-шицзы отравлен? — перебил его Чу Чжаохуай.

Лян Фан вздрогнул.

Цзи И тоже замер, не понимая:

— О чем ты болтаешь? С чего Лян Фан должен быть отравлен?

— Я проверил его пульс. Это медленно действующий яд, — спокойно произнес Чжаохуай. — Сонливость — лишь верхушка айсберга. Если не начать лечение сейчас, со временем его жизненные силы просто иссякнут. Тогда и бессмертные не помогут.

Лицо Цзи И мертвенно побледнело. Он рывком вскочил, собираясь что-то прокричать, но ослабшие ноги подвели его — юноша снова с громким «плюх» рухнул на колени.

Оказавшись на полу, Шицзы не утратил запала:

— Ложь и провокация! Лян Фан — наследник Учан-вана, он живет в усадьбе, пожалованной самим Императором! Как бы он мог...

Договорить он не успел — какая-то мысль заставила его осечься.

Лицо юноши внезапно перекопилось.

Чу Чжаохуай, которому не было дела до придворных интриг, сразу перешел к сути:

— Я вылечу Лян-шицзы, а ты еще полмесяца не будешь раскрывать мою тайну.

Цзи И всё еще пребывал в оцепенении.

Лян Фан, кутаясь в белоснежную накидку, помог другу подняться. Он сидел неподвижно, сжимая в руках грелку, и не проронил ни слова.

Увидев его состояние, Шицзы всё понял без лишних объяснений:

— Ты... ты давно знал?

— Знал, — Лян Фан вздохнул, видя, как испуган его друг. — В прошлом году отец тайно прислал ко мне человека. Прибывший лекарь осмотрел меня и сказал, что я отравлен. И что противоядия нет.

Цзи И, обуреваемый гневом и тревогой, снова подскочил и, стоя на коленях, выдохнул:

— И почему ты мне ничего не сказал?!

— А какой в этом прок? — безучастно отозвался Лян Фан. — Жизнь и смерть во власти судьбы.

— Ах ты!..

Кое-как добравшись до кресла, юноша вцепился в руку Чжаохуая, очищавшего апельсин. Схватившись за последнюю соломинку, он спросил:

— Ты... ты и впрямь сможешь его исцелить?

Чу Чжаохуай мастерски принял вид великого мастера:

— Пустяковое дело.

— Что тебе нужно взамен? — голос Шицзы был суров. — Я отдам что угодно.

Чу Чжаохуай мгновенно спустился с небес на землю и деликатно кашлянул:

— Вчерашние выигрыши...

— Всё верну до последней монеты, — отрезал Цзи И.

Лекарь едва не расплылся в улыбке до ушей. К счастью, повязка скрывала его лицо, избавляя от позора.

Лян Фан, однако, был настроен скептически:

— А И, не верь ему. Лекари говорили, что этот яд подмешивали в пищу годами. Он пропитал всё тело, его невозможно изгнать окончательно.

— Мы всё равно попробуем, — твердо сказал Цзи И.

Лян Фан лишь смиренно вздохнул.

Личность этого человека оставалась загадкой, а он вот так запросто обещал исцелить от смертельного яда. Только такой простодушный человек, как Шицзы, мог так легко повестись на подобные речи.

Цзи И глубоко вздохнул и пристально посмотрел на Чу Чжаохуая:

— Если спасешь Лян Фана, я стану твоим должником. Считай, что моя жизнь принадлежит тебе — проси чего хочешь. Но если ты лжешь...

— То доложишь отцу, и он велит изрубить меня на куски, — закончил за него Чжаохуай.

— Идет.

— А И... — Лян Фан попытался вмешаться.

Но Шицзы не слушал его. Он сам очистил апельсин и протянул лекарю:

— С чего начнешь?

Чу Чжаохуай мигом проглотил угощение, отряхнул ладони и велел принести кисть и бумагу. Единым росчерком он начертал рецепт.

По привычке он уже замахнулся, чтобы поставить внизу свою настоящую подпись.

Вовремя спохватившись, он густо замазал два иероглифа, подул на чернила и протянул листок Цзи И.

— Пусть принимает это три дня. Затем я приступлю к иглокалыванию, чтобы вытянуть остатки яда.

Юноша внимательно изучил рецепт.

Обычные травы, ничего примечательного.

Шицзы попытался разобрать зачеркнутые знаки:

— Бай... хм, Цзи? Это иероглиф «Цзи»? Нужно ли добавлять Бай Цзи?

Чу Чжаохуай поперхнулся:

— Кхм! Нет-нет, не нужно.

За то время, пока они говорили, Лян Фан, утомленный болезнью, успел задремать в кресле. Его лицо казалось пугающе бледным.

Цзи И всмотрелся в черты друга: губы Лян Фана и впрямь были непривычно светлыми, с едва заметным синюшным отливом.

Действительно, симптомы отравления.

— В этом рецепте есть одна редкая трава, которую трудно достать, — Чжаохуай зашел в кровать-альков и принялся рыться в своем старом комодке. — Вот, держи, этого хватит на три дня. Но учти — это не подарок. С тебя пять лянов серебра.

Цзи И пошел следом за ним и, оказавшись внутри этой роскошной «комнаты в комнате», едва не выронил челюсть от изумления.

Эта кровать...

Пару лет назад он на свой день рождения робко просил отца о такой же, но Цзи Сюнь отрезал, что достать ее слишком хлопотно, и просто откупился очередным поместьем.

А теперь он так легко отдал ее чужаку?!

Внутри алькова всё было устроено с невероятным изыском и вниманием к деталям. Лишь серый комодик Чу Чжаохуая в углу казался здесь инородным телом. Старый, потертый, с вырезанными на крышке словами: «Долгие лета».

Цзи И терпел, сколько мог, но любопытство взяло верх:

— Ты и мой отец... Неужели слухи — правда?

Чу Чжаохуай, увлеченно перебиравший мешочки с лекарствами, рассеянно бросил:

— Какие еще слухи?

— Ну... — юноша замялся: говорить вслух о городских сплетнях было неловко. Собравшись с духом, он пробормотал едва слышно: — Сегодня с утра вся столица только об этом и гудит. Говорят, отец души в тебе не чаёт и окружил такой заботой, что ты в порыве благодарности решил пожертвовать собой ради продолжения рода Цзин-вана.

Чу Чжаохуай:

«...»

Лекарь на мгновение замер, а затем медленно поднял голову:

— Что? Уже... уже все об этом знают?

— Весь город.

Чжаохуай оторопел.

Неужели три ляна серебра заставили тех двоих так усердно трудиться день и ночь?

Знай он, что они настолько талантливы в распространении слухов, даже не стал бы торговаться.

Протянув снадобье Шицзы и заметив его пытливый взгляд, Чу Чжаохуай сухо кашлянул и, пересилив себя, выдал:

— Ну... допустим, правда.

Цзи И шумно выдохнул, глядя на свою новоявленную «матушку» неописуемо сложным взглядом.

Чжаохуаю стало не по себе под этим взором, и он поспешил выпроводить гостя, на ходу бросая оправдания:

— Да-да, я без памяти влюблен в твоего отца, верность до гроба и всё такое. А теперь иди, отведи Лян Фана, пока он не простудился окончательно...

Но стоило им выйти из алькова, как слова застряли у него в горле.

Цзи Сюнь сидел в кресле, закинув ногу на ногу. Он, не поднимая головы, лениво перебирал шесть медных монет. Тонкий звон металла эхом разносился в тишине. Неизвестно было, как долго он здесь находится и сколько успел услышать.

Заметив, что они вышли, князь медленно поднял взгляд. В уголках его глаз таилась усмешка:

— О чем это вы так увлеченно беседовали?

Чу Чжаохуай:

«...»

Цзи И при виде отца мгновенно оробел и склонился в поклоне:

— Отец.

Лицо Чжаохуая залило краской. Сердце предательски забилося: его только что поймали на распространении небылиц о самом Цзи Сюне. Пытаясь сохранить остатки самообладания, он притворился, будто ничего не произошло:

— Ванъе вернулся.

Цзи Сюнь лениво хмыкнул.

Чжаохуай, страшась очередной порции сарказма, поспешил сменить тему:

— Ванъе снова лишили жалованья?

Шицзы едва глаза не выронил.

«Разве такое можно спрашивать?!»

— Вычли за три месяца, да еще поручили одно дельце, — Цзи Сюнь ничуть не рассердился, ответив на редкость мягко. — Но Ванфэй не стоит беспокоиться. Пусть жалованья у меня нет, но богатств усадьбы с лихвой хватит на то, чтобы Ванфэй смог продолжить наш род.

Чу Чжаохуай:

«...»

<http://bllate.org/book/15341/1372780>